

Юнь Чу сейчас раздирали противоречивые чувства.

Казалось бы, она ничего особенного не сделала, но внезапно у неё появился человек, который глубоко её любил.

Это было до крайности странно и необъяснимо.

Впрочем, все эти любовные перипетии из небесных любовных романов и так лишены всякой логики. Возможно, любовь — это то, что по своей природе не поддаётся никаким объяснениям.

— Итак, что ты думаешь о деле наложницы Шу? — спросила Юнь Чу.

Вэй Цзиньшу призадумалась:

— Кто-то плетёт интриги, и пока я не знаю, кто именно. Но в конечном итоге обвинение должно пасть на одну из четырёх главных наложниц.

— Почему?

— Сейчас все четыре места заняты, и они стоят лишь на ступень ниже императрицы. У меня нет знатного происхождения, значит, я должна бороться за власть. Чтобы стать императрицей, нужно сначала занять место одной из наложниц.

Если рассуждать так, то всё логично. В книге судеб Вэй Цзиньшу именно так и действовала: шаг за шагом поднималась с должности простой наложницы, прибирая к рукам власть в гареме и заручаясь поддержкой придворных, пока не стала императрицей.

Только вот... ещё вчера она была похожа на беззащитного кролика, а сегодня вдруг будто поумнела и выпустила шипы. Слишком уж стремительная перемена.

Юнь Чу стало любопытно, какую партию разыграет Вэй Цзиньшу, и она поинтересовалась:

— Кому ты собираешься приписать отравление?

Вэй Цзиньшу устремила взгляд вдаль:

— Тому, у кого больше всего причин желать зла.

Юнь Чу снова стала невидимой и последовала за Вэй Цзиньшу во дворец.

Войдя в покои, Вэй Цзиньшу отослала служанок и сняла с деревянной полки изящную шкатулку для украшений. Она открыла замок, и внутри, на бархате, лежало жемчужное ожерелье.

Каждая жемчужина размером с ноготь была оплетена золотыми нитями, между которыми виднелись ажурные вставки. На вид — настоящее сокровище, невероятная роскошь.

Вэй Цзиньшу небрежно подцепила двумя пальцами одну жемчужину и поднесла к лицу Юнь

Чу, чтобы та могла лучше рассмотреть.

Под золотой сеткой виднелась крошечная щель, проходящая точно посередине жемчужины, тонкая, как волосок — не присмотришься, не заметишь.

Вэй Цзиньшу взяла со стола ножницы, просунула кончик под золотую нить и разрежала её, а затем разломила жемчужину пополам.

Внутри оказалась плотная лекарственная паста. Юнь Чу принялась — запах был едким и резким.

В мире смертных жемчуг, не предназначенный для подношения императорской семье, обычно выращивали рыбаки на побережье. Когда моллюск ещё не успевал вырасти, створки раковины приоткрывали, внутрь подкладывали отполированный кусочек перламутра и закрывали обратно. Спустя пять-шесть лет получалась жемчужина неплохого размера и блеска.

Вэй Цзиньшу вскрыла ещё несколько жемчужин: все они, без исключения, были вычищены изнутри и заполнены той же смесью.

— Юнь Чу, ты знаешь, что это за лекарство? — спросила Вэй Цзиньшу, протягивая ей раскрытую половинку.

— И что же там?

— Помимо обычных благовоний, там горец многоцветковый, борец и гвоздика.

— Это яд?

— Горец здесь не такой, как в обычных аптеках — необработанный корень ядовит. О ядовитости борца и говорить не стоит. А гвоздика, хоть и цветок с нежным ароматом, при избытке вызывает тоску и стеснение в груди. Первые два компонента расшатывают душевное равновесие, а гвоздика лишь усугубляет состояние, разрушая тело. Если носить это долго, организм просто истощится.

Юнь Чу нахмурилась:

— Ты держишь эту отраву у себя в комнате?

— Это подарок наложницы, я обязана хранить его на самом видном месте.

Юнь Чу вспомнила украшения, которые наложница Шу прислала Вэй Цзиньшу на днях, и с сомнением спросила:

— Это от неё?

— Нет, — Вэй Цзиньшу покачала головой и убрала жемчуг обратно в шкатулку. — Попав во дворец, я не собиралась жить, но и не хотела тянуть за собой семью. Думала, пусть уж лучше отравят, всё одним разом и закончится.

Юнь Чу лишилась дара речи и могла лишь промолвить:

— Жить — это хорошо.

— С тобой рядом — да, хорошо.

Вэй Цзиньшу убрала жемчуг, но не спрятала шкатулку, а оставила её на самом заметном месте.

— Слухи о проклятии наложницы Шу пустила я. Она слишком любима императором, и чтобы спасти её, он рано или поздно прикажет обыскать дворец.

— Ты хочешь использовать это ожерелье, чтобы навлечь беду на себя, — догадалась Юнь Чу, — и выманить того, кто за этим стоит, чтобы он взял вину на себя?

Увидев, что Вэй Цзиньшу кивнула, Юнь Чу почувствовала смутение. Оказывается, она с самого начала понимала повадки местных обитателей, и как только у наложницы Шу появились признаки отравления, она тут же начала плести свою сеть.

Если подумать, всё в точности совпадает с предначертанным в книге судеб. Вэй Цзиньшу сама участвовала, или, вернее, срежиссировала этот план с отравлением.

От этих мыслей у Юнь Чу разболелась голова, и она решила больше не вникать в детали. В конце концов, главное — результат.

С тех пор как Юнь Чу появилась здесь, Вэй Цзиньшу отпустила ночную служанку. Теперь они спали вместе, хотя раньше Юнь Чу, помня о приличиях, старалась соблюдать дистанцию.

Но после сегодняшнего дня Вэй Цзиньшу, едва прилегла, тут же прижалась к ней, нырнула в объятия и намертво вцепилась в неё. Юнь Чу никогда не умела отказывать, да и было в этом что-то приятное — мягкая, пахнущая цветами девушка... Почему бы и нет? В конце концов, Вэй Цзиньшу — женщина, так что она ничего не теряет.

Юнь Чу почувствовала усталость и уже собиралась закрыть глаза, как вдруг почувствовала, что тело Вэй Цзиньшу в её руках дрожит.

— Не надо... я не хочу... — бормотала та.

— Цзиньшу?

Юнь Чу откинула одеяло и увидела, что Вэй Цзиньшу, едва успев уснуть, вся покрылась

холодным потом, а пальцы её сжаты в кулаки до побеления. Видимо, ей снилось что-то ужасное.

— Не хочу во дворец...

— Это место, где пожирают людей...

— Почему... я просто хотела... просто хотела жить...

— Отпустите меня... умоляю...

Вэй Цзиньшу говорила отрывисто. Юнь Чу поняла, что та вспоминает события перед вступлением во дворец. Она не хотела сюда идти, она не любила мужчин и не желала быть запертой в гареме. Но воля её была сломлена, а сопротивление перед лицом власти и обстоятельств оказалось слишком слабым.

— Цзиньшу, не бойся, — Юнь Чу прижала голову девушки к своей груди, пытаясь согреть её остывшую кожу теплом своего тела.

Раньше, когда её мучили кошмары, Вэй Цзиньшу справлялась в одиночку. Теперь же, почувствовав рядом чужое тепло, она поначалу растерялась, но потом невольно потянулась к нему.

Юнь Чу вспомнила её печальный финал и вздохнула:

— Люди рождаются добрыми, многое из того, что произошло, — не твоя вина.

Крепкие объятия помогли Вэй Цзиньшу успокоиться, она перестала метаться во сне. Однако тихий шёпот не прекращался, а дыхание ещё долго оставалось прерывистым.

Юнь Чу, сама не зная почему, прониклась жалостью к человеку в своих руках. Она стёрла со лба девушки холодный пот, а затем коснулась пальцем её закушенной губы. Губы были мягкими, но Вэй Цзиньшу так сильно сжала их зубами, что они побелели. Юнь Чу осторожно просунула палец в уголок рта, освобождая нижнюю губу.

Затем она наклонилась и, подражая сегодняшнему жесту Вэй Цзиньшу, поцеловала её в лоб.

— Цзиньшу, это не твоя вина.

Этот поцелуй окончательно успокоил девушку. Её дыхание выровнялось, она замолчала, а тело постепенно стало тёплым.

Юнь Чу опустила взгляд и вздохнула, крепче обнимая её. Она наклонилась к самому уху и прошептала:

— Прости, что не могу тебе помочь.

В погасшем дворце царила непроглядная тьма. Куда ни глянь — бесконечная бездна, ни единого лучика света.

Юнь Чу уже крепко спала, но Вэй Цзиньшу, уткнувшись лицом в её плечо, медленно открыла глаза.

На её лице не осталось и следа того страха, что был во время кошмара. Она тихонько подняла ладонь и, в точности повторяя движения Юнь Чу, успокаивающе погладила её по спине.

— Кто сказал, что ты не можешь мне помочь?

<http://bllate.org/book/18883/1844213>